

ЖИЗНЬ КАК ТВОРЧЕСТВО

Н.В. ДРУЖИНИНА

Дружинина Наталья Валентиновна — супруга Владимира Николаевича Дружинина, математик.

Четыре года Владимира Николаевича нет с нами, а его идеи живут, и то, что было непонятно или вызывало сопротивление тогда, сейчас востребовано.

Идей было множество, он их генерировал постоянно и щедро делился с коллегами. Потом некоторые, подбывая их, писали статьи — он никогда не обижался на это, просто не замечал. Приятели не раз советовали ему быть осторожнее и не разбрасываться собственными мыслями, на что муж отвечал: «Пусть пользуются чужими, если своих нет, а мне некогда проверять все свои идеи».

Откуда он их брал? Отовсюду. Из воздуха. Иногда я была очевидцем тех самых состояний, когда ученый вскрикивает «Эврика!». Как-то Владимир Николаевич сел на диван смотреть телевизор. На журнальном столе перед ним лежала книга «Лекции по астрологии» М.Б. Левина, раскрытая на странице, где известный астролог размышляет о распределении

ролей в христианской троице: Отец, Сын и Дух Святой. Владимир Николаевич машинально стал читать текст. «Дух на иврите (Шехина, Шхна) — женского рода, т. е. Дух — женское начало, Отец — мужское начало, а Сын — синтез мирового мужского начала и женского начала и результат их взаимодействия, он — жизнь». Прочитав эту фразу, Владимир Николаевич на несколько минут замер, сконцентрировался, взял лист бумаги и, уйдя в себя, начал быстро писать своим непонятным почерком, который потом было трудно разобрать, потому что рука не успевала за мыслью. Остановившись, объяснил, что ему в голову пришла гениальная мысль о том, что каждая культура порождает определенную нормативную модель семьи, структура отношений в которой отражает отношения между основными действующими лицами религиозной доктрины, являющимися символами веры. Более того, в религии эти отношения приобретают

освященное, идеальное, предписываемое значение: так фиксируется идеал человеческих отношений и поведения. Вскоре появилась книга «Психология семьи».

В век «воинствующего индивидуализма», когда люди привыкли больше говорить, нежели слушать, больше презентировать себя, чем воспринимать окружающих, он на удивление быстро понимал всех, часто даже быстрее, чем человек успевал договорить. Читая чужие работы, диссертации, на которые нужно было дать отзыв, быстро ухватывал главную мысль, часто выводил следствия из работы намного интереснее авторских. Подсказывал, какие более яркие результаты можно извлечь, при этом не напрашиваясь в соавторы. Всегда старался улучшить чужой труд, и многие люди были ему благодарны за это.

Будучи ярким лидером, не старался окружить себя людьми посредственными, которые могли бы создать ровный фон для его сверкания. Не боялся конкуренции, уважал творческие личности, всегда оказывал поддержку и был абсолютно лишен чувства зависти. Ему нравился ответ Черчилля на вопрос, заданный ему: «Почему в Англии нет антисемитизма?» — «Потому что англичане не считают себя глупее евреев».

Идеи вылетали из него фейерверком. Многие «опробовал» на мне, спрашивая: «Правда, гениально?» Я, как математик, бывало, находила в них логические ошибки, брюзжа: «Что же гениального в том, что из десяти идей только одна оказывается верной?» — «Зато у меня их много, а у других вообще ни одной». И был прав, потому что две верные идеи из двадцати — это уже много.

Никогда не заикливался на одной идее. А.Н. Воронин в своих воспоминаниях о Владимире Николаевиче, вошедших в сборник тезисов «Психология способностей», изданный к конференции, посвященной 50-летию В.Н. Дружинина, описывает случай совместной работы над проблемой способностей. Результаты сложной обработки данных не подтвердили ни одной выдвинутой гипотезы, что обескуражило Владимира Николаевича, но ненадолго. Через полчаса он радостно сообщил, что все можно очень просто объяснить с помощью его новой теории способностей в разных условиях социального контроля. А.Н. Воронина смутило такое несоответствие их представлений о способностях полученным результатам, и, перепроверив данные, он нашел ошибку в заданных параметрах. Повторная процедура обработки данных дала результаты, в общих чертах соответствующие прежним гипотезам. Сообщив о найденной ошибке Владимиру Николаевичу, он в ответ услышал: «Вот и мне на собственном опыте пришлось убедиться, что в основе новой теории часто лежит какая-то ошибка».

Жизнь заставила проверять идеи экспериментально. Этот опыт был обобщен в книге «Экспериментальная психология», которая, судя по количеству изданий, стала бестселлером у психологов еще до того, как ей присвоили гриф учебника. Психологи говорят: ничего лучшего в этой области еще никто не написал. И не случайно на конференции, посвященной 50-летию В.Н. Дружинина, работа шла по двум направлениям: 1) способности, одаренность, творчество и 2) экспериментальная психология.

Был талантлив сам — занимался изучением одаренности. Читая его статьи, вижу, что он описывал свое «одаренное детство». Обобщенный портрет талантливого человека, который Владимир Николаевич приводит в своих книгах и статьях, как будто списан с него. Это автономность поведения, независимость в суждениях и поступках; высокая развитость эстетического чувства; эмоциональная ранимость и повышенная тревожность. Нетипичное, с точки зрения большинства, поведение одаренных людей создает проблемы в общении. Владимир Николаевич не мог понять «необходимости безусловного принятия условных социальных отношений». Меня несколько смущало то, что в работах Владимира Николаевича в виде теории был изложен его личный опыт. Мне казалось, что каждый одаренный человек должен быть одарен по-своему. Прочитав воспоминания о муже А.В. Карпова, я поняла, что не только мне такие мысли в голову приходили. Оказывается, каждому психологу известна закономерность, «согласно которой то, чем предпочитает заниматься ученый, связано с теми личностными особенностями, которыми он сам характеризуется. Проще говоря, личность во многом определяет проблематику, а проблематика в значительной мере является "зеркалом" личности ученого».

Далее А.В. Карпов пишет, что чаще всего «психолог предпочитает разрабатывать проблематику, связанную с такими особенностями психики, которые у него самого представлены в дефицитарном виде. Это — своего рода проявление феномена психической компенсации на "гно-

Автопортрет В.Н. Дружинина

сеологическом уровне"... И именно в этом плане научная деятельность В.Н. Дружинина была исключением из данной закономерности. При всем многообразии палитры его научных интересов (а она действительно была очень обширна), главным предметом его изучения была все же проблема общих способностей, а также проблема способностей в целом. Но именно ими он и обладал в ярко выраженной форме. Более того, предложив выделять "триаду" общих способностей (по критерию их дифференциации с блоками приема, переработки и использования информации) — интеллект, креативность, обучаемость, он, по существу, сам указал главные черты своего "когнитивного портрета". Благодаря студенческому другу Владимира Николаевича за столь глубокий и безошибочный анализ его личности и точность формулировок.

Интеллект, по мнению А.В. Карпова, был «сердцевиной» личности Владимира Николаевича и одновременно главным предметом его научных интересов. Высочайшая обучаемость и великолепная память позволили ему стать образованнейшим человеком нашего времени. Яркое выражение креативности Владимира Николаевича, как совершенно верно отметил А.В. Карпов, «не требовала больших психофизиологических затрат, была для него естественным и даже необходимым проявлением его натуры», «более того, она была именно потребностью». Творчество было источником его жизненных сил. Более того, он стремился каждый момент прожить по-новому, отвергая штампы и шаблоны. Проявлялся как творческая воля. Я часто замечала, что даже его взгляды на одну и ту же проблему менялись в зависимости от его настроения и обстановки. Он не запоминал, что говорил, и, бывало, на один и тот же вопрос, заданный различными людьми в разное время, давал взаимоисключающие ответы. Когда я его ловила на слове, он отвечал, что было бы гораздо хуже, если бы он всю жизнь твердил одно и то же. И это так, поскольку жесткая структуризация и кристаллизация информации означает для человека творческую смерть.

Он сам не замирал «в стойке» перед авторитетами и не требовал от других безоговорочного принятия своих идей. Более того, ему даже нравилось, когда с ним спорят, и он просил психологов проверять его идеи. Он не настаивал на абсолютности результатов экспериментов, проведенных им самим, его аспирантами и дипломниками, понимая, что не на все

вопросы можно получить ответ в эмпирическом исследовании. И предлагал воспринимать эти результаты как иллюстрацию, а не как доказательство. В своих книгах «Психология семьи» и «Варианты жизни» он говорит о том, что это лишь авторский взгляд на часть мира.

Владимир Николаевич не лишал других права на собственную картину мира. Когда вышла серия книг математика А.Т. Фоменко о новой хронологии истории, образованным людям, чьи познания в истории превосходили курс средней школы, было очевидно, что предпринята попытка искажения истории. Владимир Николаевич, прочитав пару книг А.Т. Фоменко, сказал: «Это, конечно, ерунда, но такие авторы полезны обществу тем, что берегут умы и заставляют думать».

«Однако, как бы то ни было, с определенной долей условности можно считать, что теория общих способностей, которую разрабатывал В.Н. Дружинин, одновременно в значительной степени — «автобиографическая» теория: это — теория «про него самого», теория, в которой «продукт творчества» и сам «творец» во многом совпадают — и гносеологически, и онтологически» (из воспоминаний А.В. Карпова).

Но Владимир Николаевич старался проверять свои теории. Идею о том, что в основе творчества лежит подражание, и чтобы включиться в деятельность по преобразованию человеческой культуры, человек должен овладеть способами творческого поведения через подражание другому, опробовал на себе. Он был романтик в душе и хороший поэт. Стихи писал с детства, но периодами. Было

заметно, как его творческая активность переключалась с науки на поэзию и обратно. Когда не шла научная мысль или не было благоприятных внешних факторов для осуществления планов, он впадал в состояние, которое у обычного человека называется депрессией, а для него это был уход в себя на невероятные глубины, в которых он черпал поэтическое вдохновение. В начале 1990-х годов это состояние длилось год. Результатом такой «отключки» от внешнего мира стали две сотни стихов.

Как-то он решил провести ревизию написанного, оставил только то, что нравилось, и в мусор полетели пачки стихов, толстая тетрадь, вся исчерканная. Сердился, что не может написать лучше, на себя, конечно. Хочется снова процитировать А.В. Карпова, лучше которого об этом не скажешь: «Если перед ним возникала какая-то проблема, связанная с материалом, с заданным ему вопросом, а он не мог сразу же ее

решить, то он воспринимал это — не преувеличивая — как личную обиду: но обиду не на кого-то другого, а на себя — за то, что он чего-то не знает (пока). Но должен знать». При этом испытывая чувство внутреннего беспокойства и дискомфорта. И одновременно с освоением нового знания или дела шла шлифовка уже достигнутого. Перфекционизм — стремление к совершенству — свойство одаренных людей, пишет Владимир Николаевич в статьях об одаренности.

Эксперимент, поставленный на себе, заключался в следующем. Помню как-то Владимир Николаевич сказал: «Мне нужно научиться подражать стилю любого поэта, освоить технику стихосложения, чтобы легко писать свои стихи». На это занятие ушло немало времени, он перечитывал автора за автором, впитывая, как губка, их мысли, вживаясь в стиль. Результат такой поэтической работы над собой — забавные пародии.

Владимир Дружинин

Из лирики

«Светлые печали,
Легкая тоска...» —
Стих готов к печати,
Не дрожит рука.

Горные вершины...
Плачут по лесам...

Давид Самойлов

Светлые печали,
Легкая тоска
По небу промчали,
Словно облака.
А под ним осталось
Все, что я сберег:
Легкость, свет и старость,
Море и песок.

Кто об этом пишет,
Уж не я ли сам?

Памятные строки,
Вздохи при луне.
Друг мой, друг далекий,
Вспомни обо мне!

Тот же свет весенний
И осенний цвет...
Суриков, Есенин,
Лермонтов и Фет.

Его университеты

*Евгений Евтушенко
Мои университеты*

«Я хочу быть всегда недоучкой»

Не умею считать. Математикам
делаю ручкой!
Не умею читать: я хотел быть всегда
недоучкой.

Ничего не кончал. Мы и сами —
ребята с усами:
На Пегасе летал под нью-
йоркскими я небесами!

Ничему не учусь — лоб трещит, как
еловые доски,
Ну, а коль захочу, то в момент
становлюсь Циолковским.

И поэтов толпа предо мною стоит в
униженье:
«Без диплома — беда, помоги стать
учеными, Женья!»

Хорошист

Олег Хлебников

Тебе говорили: «Нам нужен хор!» —
как хором я петь не хотел!
Но так как учился на «отл.» и «хор.»,
старательно в хоре пел».

Начальник сказал (в баритоне — металл!):

«Нам Хлебников нужен свой!»
Я с детства начальников почитал:
Приказано петь — так пой.

Хоть я и учился на «отл.» и «хор.»,
Но в рифмах был не мастак.
Но я бы любой пережил позор —
Начальство решило так!

Издерганный, нервный терпенье
терял,
Тянул за хвосты котов,
Пролил потов, обтесал матерьял —
И новый поэт готов.

Из жизни фруктов

За что вы, девушки, поэтов любите?
Ведь четверть века тому назад
Не только высохшие изюминки,
Но даже спелый был виноград!

От старой дачи ключи заброшены.
Где дубликаты?
Пуста кровать.
Изюм дается уже не дешево —
Порой приходится и покупать...

Монолог

Андрей Вознесенский

«За что нас только бабы балуют?»
«... две изумительные изюминки
хоть и раскроются тебе в ответ...»

На суде, в раю или в аду,
скажет он, когда придут истцы:
«Я любил двух женщин, как одну.
Хоть они совсем не близнецы».
Все равно что скажут, все равно!
Не дослушивая ответ,
он двустворчатое окно
застегнет на черный шпингалет.

Андрей Вознесенский

«— Я любил всех женщин, как одну...
 Если спросят на суде истцы:
 «Алименты не платил кому?!» —
 Отверчусь, скажу, что близнецы.

Разобраться с ними мудрено...
 Ведь когда супруг хватал за грудь,
 Выходил в открытое окно,
 Забывая что-то застегнуть...»

Плоды просвещения

Астрофизики учебник
 Как-то в руки мне попал,
 И великое смущенье
 Я душою испытал:

Нету бога в мирозданье —
 Дед неправду говорил!
 Нет светил — и слух тиранят
 Хоры жутких черных дыр!

Я такое, братцы, знаю —
 Громко вымолвить нельзя:
 Не прямая, а кривая
 Нас теперь ведет стезя.

Прежде говорил с богами
 Иль со звездами поэт,
 А теперь живем во сраме...
 Потому что бога нет!

Пишем плоско, мыслим мелко
 И беседуем порой
 Толь с летающей тарелкой,
 Толи с черною дырой...

Анатолий Передреев

Беспощадна суть познания
 Страшно логика ясна...
 Нету бога в мирозданье,
 Есть пространства кривизна...
 Разбегание галактик,
 Тяжкий холод черных дыр.
 Ни душой, ни мыслью брэнной
 Не объять мне этих сил!
 Где вы, где вы во вселенной,
 Хоры стройные светил?..

Паршинская весна

Белла Ахмадулина
День поэзии

«Не в Паршино хожу дорогой Паршинской...»
 «Пропустит если — в Паршино иду».
 «...Но знала: главный хмель покуда не почат».
 «И хочется простейшего какого-то:
 Нравоученья, вещи и числа...
 Но ничему не верит ум испуганный
 И малых величин не признает...»

1984

Я помню: прохожу дорогой
 Паршинской
 (Кто мил себе, тот в Паршине
 живет).
 Но скука, но — томление! Не
 спрашивай!
 Хожу и жду, покуда хмель пройдет.
 Ах, нет — взойдет! Он больше
 уважаем мной,
 Когда на нем цветения печать,
 Но отчего я расточаю жалобы,
 Что главный хмель покуда не
 почат?..
 Не верит ум цветению черемухи.
 По Паршину движеньем круговым
 Скольжу, а семантические промахи
 Я объясню круженьем головы.
 И хочется простейшего какого-то:
 Нравоученья или сигарет...
 Изменник, ум! Жить в Паршине
 рискованно,
 Пока луной лица бледнеет цвет.
 Пока не понимает ум испуганный
 Ни малых, ни великих величин,
 Текст, вдохновленный паршинскою
 скукою,
 От болдинских стихов не отличим...

После подобных упражнений, когда Владимир Николаевич долго набивал руку на подражании, появились сотни две стихов, уже ни на чьи не похожих. Когда они попали в руки к из-

вестному поэту Григорию Поженяну, он часть из них опубликовал в «Литературной газете» (14.07.93, № 28) со своим предисловием, несколько строк из которого приведены ниже.

Он истинный поэт и настоящий мастер. В этом легко убедиться:

Мне нечего делать
В проулках твоей Братиславы.
Как нищему в банке,
Скопцу в мусульманском раю.
Пора возноситься,
Мы руки сплетаем, как травы.
Мы прыгаем с ходу в небесный колодец,
Адью.

Точно. Жестко, вызывающе. Но кажется, что за вызовом должно что-то обязательно открыться.

Оказывается, огорчение. Не частное, личное, а обращенное ко всему существу. Не декларация, а горький выдох после раздумья.

Облезшие стены
Укрылись за утренней дымкой.
И новое время
Отпущено Богом в кредит,
И надо спускаться, бродить
среди вас невидимкой.
Узнать: для чего же?
И, только узнав, уходить.

Я листаю тяжелую стопку стихов. Плод работы долгих лет. Чаше бывает, когда мучительно ищешь, за что бы уцепиться, доказывая правоту необходимости публикации. На этот раз я ловлю себя на том, что хочется процитировать и то, и это.

Далее шла подборка стихов В.Н. Дружинина.

Мне, напроць лишенной поэтических способностей, всегда было интересно, как люди пишут стихи. Муж мне на этот вопрос ответить не мог. Но однажды я наблюдала этот про-

цесс. Владимир Николаевич ушел в себя, не замечая моего присутствия. Взял лист бумаги, и, не отрываясь, записал стих. На вопрос: «Как это получилось?» — ответил: «Почувствовал гул в голове, который сложился в строки». Хочу еще раз согласиться с А.В. Карповым в том, что креативность была для Владимира Николаевича потребностью, жизненной необходимостью. В статье «Психология творчества», описывая процесс стихосложения, он передает свой собственный опыт. «Пишущий стихотворение пишет его прежде всего потому, что стихосложение — колоссальный ускоритель сознания, мышления, мирозерцания. Испытав это ускорение единожды, человек уже не в состоянии отказаться от повторения этого опыта, он впадает в зависимость от этого процесса, как впадает в зависимость от наркотиков и алкоголя. Человек, находящийся в подобной зависимости от языка, я полагаю, и называется поэтом. Это состояние безличия, в котором находится поэт, когда отсутствует ощущение личной инициативы и не чувствуется личной заслуги при создании творческого продукта, в человеке как бы вселяется чуждый дух, или ему внушают мысли, образы, чувства извне. Это переживание приводит к неожиданному эффекту: творец начинает с равнодушием относиться к своим творениям или, более того, с отвращением».

Видимо, поэтому Владимир Николаевич без сожаления выбрасывал стихи пачками и, улавливая идеи из космоса, щедро транслировал их в окружающую среду, оплодотворяя ее. Сейчас больно осознавать, как много мы потеряли.